

А. И. РОМАНЧУК

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ НАУЧНОЙ РАБОТЫ КРЫМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Одним из научных направлений, которое существует на кафедре истории древнего мира и средних веков Уральского университета уже 20 лет, является изучение античного и средневекового Херсонеса. При малочисленности письменных источников, освещающих хозяйственную жизнь византийского города, и почти полном отсутствии таковых для села археологические материалы имеют первостепенное значение. (Особенно они важны при изучении быта, материальной культуры, развития ремесел и торговли). Если же рассматривать период VII—IX вв., то ценность памятников материальной культуры возрастает, ибо они позволяют составить представление о значении города, о влиянии городской экономики, ремесла, идеологии на сельскую периферию.

Археологические раскопки Крымской экспедиции, наряду с получением данных по истории Херсонеса, выявляют материалы, которые лежат в основе трудов кафедры по генезису феодализма, его развитию на локальных территориях Византии.

Крымская археологическая экспедиция была создана в 1958 г. доцентом Е. Г. Суровым и с этого времени ежегодно проводит раскопки в Крыму. С первых лет своего существования экспедиция работает в сотрудничестве с Херсонесским музеем. Но начало научных связей между уральскими историками и сотрудниками музея относится к более раннему времени — к периоду Великой Отечественной войны, когда музей был эвакуирован в Свердловск. На основании рукописных отчетов о дореволюционных раскопках Е. Г. Суров в эти годы подготовил к печати работу, в которой систематизировал все сведения о рыбозасолочных цистернах, их размерах и устройстве, и пришел к выводу о товарном характере рыбозасолочного промысла во все периоды истории Херсонеса¹. Но отчеты дореволюционных раскопок и в тот период немногочисленные материалы по северному берегу Херсонеса, где было раскопано несколько цистерн Г. Д. Беловым, не позволяли с полной уверенностью определить время их строительства. Поэтому одной из целей экспедиции, организованной Е. Г. Суровым, стало изучение ры-

бозасолочной цистерны № 33, расположенной на северо-западном участке городища. Одновременно было предпринято исследование западной базилики, раскопанной в 90-х гг. К. К. Косцюшко-Валюжиничем, а также различных сооружений этого района Херсонеса. Раскопки здесь производились в 1958—1964 и в 1967 гг. и привели к выявлению периодизации застройки.

Наиболее ранним из открытых комплексов являлся некрополь беднейших граждан города. По мнению Е. Г. Сурова, здесь же хоронили и несвободное население. Так, один из костяков был обнаружен вместе с кандалами². Второй слой некрополя — детские захоронения в амфорах (II в. до н. э.). В следующий хронологический период на этой территории возводится оборонительная стена, строительной траншеей которой разрушены некоторые погребения. Время сооружения древней западной оборонительной стены Е. Г. Суров относил к I—II вв. н. э. Некрополь же существовал с IV—III вв. до н. э. и до строительства оборонительной стены. После возведения оборонительной стены к ее внешней стороне были пристроены склепы. На основании находок монет они датированы III—IV вв.

Изучение ранних материалов в северо-западном районе выявило расширение городской территории во II в. до н. э. и связанное с ним строительство оборонительных стен. С другой стороны, существование у западных стен на протяжении длительного времени некрополя явилось свидетельством устойчивости традиций.

Раскопки одного из склепов дали чрезвычайно интересный материал для изучения строительного дела и ремесла в городе. В частности, была обнаружена большая коллекция строительных материалов, использованных для заклада одной из лежанок в склепе. Е. Г. Суров считал, что в склепе, принадлежавшем одной семье, были захоронены как язычники (их погребения сопровождалось вещественным материалом), так и христиане, поэтому одна из лежанок изолирована и около костяка не найдено никакого материала³. На кирпичях, употребленных для заклада лежанки, имелось 8 типов знаков, нанесенных до обжига. Знаки представляют собой различные сочетания прямых, зигзагообразных и дугообразных линий. Сделаны они были для того, чтобы пометить продукцию, сформованную одним мастером, и свидетельствуют, по мнению Е. Г. Сурова, о применении свободного труда в керамическом ремесле, ибо для раба не важно было количество продукции⁴. Вряд ли наличие знаков, как полагал Е. Г. Суров, может являться прямым показателем социального положения работающего.

В III—IV вв., когда рабы получали хозяйственную самостоятельность, для ремесленника безотносительно к его соци-

альному статусу важно было вести учет продукции. Наличие различных знаков на кирпичах в одной постройке может свидетельствовать и о другом: возможно, в рамках одной мастерской работало 8 мастеров, которые вели подсчет своих изделий⁵. Самая поздняя монета, найденная в склепе, относится к 1-й четверти IV в. н. э. Кирпичи с подобными знаками встречаются и в других районах Римской империи и датируются близким временем⁶.

Особый интерес в процессе раскопок склепа вызвала плита, которая закрывала вход в склеп. Она представляла собой проксению 130—131 гг. н. э. в честь Папия. Сравнение ее с декретом 129—130 гг. в честь Диа... Гераклеяца дало новый материал о государственном строе Херсонеса⁷.

Другим значительным итогом первых лет раскопок в Херсонесе явилось изменение представлений о времени развития рыбозасолочного промысла. Раскопки показали, что склеп первой половины IV в. был закрыт во время строительства рыбозасолочных цистерн № 33⁸. При существовавшем в древности почитании культа умерших цистерна не могла быть построена сразу после прекращения использования склепа, должно было пройти некоторое время, прежде чем стало возможным новое строительство. До раскопок на северо-западном участке городища строительство рыбозасолочных цистерн датировалось на основании материалов их засыпи. В ходе раскопок северного берега Херсонеса появилось мнение, что цистерны для засолки рыбы строились в первые века нашей эры и прекратили функционирование в IV в. Причиной их строительства являлось расширение торговых связей и увеличение спроса на продукты питания, в особенности в связи с необходимостью снабжения римских войск⁹; прекращение строительства цистерн связывалось с выводом римских гарнизонов из Херсонеса. Вряд ли все причины были равнозначны, следует, очевидно, учитывать и климатические изменения, наступившие на рубеже нашей эры, которые привели к росту рыбных стад¹⁰. Далее, вряд ли число легионеров было столь велико, что это привело к возникновению 77 цистерн на протяжении четырех веков¹¹, тем более что в некоторых цистернах можно было приготовить до 50 ц соуса. После раскопок Е. Г. Сурова стало ясно, что рыбозасолочные цистерны продолжали строиться и после IV в.

Более поздние раскопки в портовом квартале городища, а также исследования уже открытых цистерн подтвердили наблюдения Е. Г. Сурова¹². Рядом с цистерной № 33 было открыто здание. Функционирование его, как и цистерны, относится к V—VI вв.

По материалам раскопок Е. Г. Сурова, следующее расширение территории произошло в V в., в это время линия оборонительных стен была перенесена дальше к западу и в состав города включен участок, где позднее возводится базилика¹³.

Цистерна во время строительства базилики была засыпана. Следующий хронологический этап (последний на северо-западе) представлен зданием производственного характера, погибшим во время пожара. Монеты из слоя пожара относятся к XI в.¹⁴

Таким образом, раскопки северо-западной части территории Херсонеса выявили непрерывное использование этого участка практически на протяжении всей истории Херсонеса. В то же время они открыли особенности застройки в различные периоды. Так, после распространения христианства около традиционно используемой в качестве некрополя территории города строится базилика¹⁵. Она не могла быть построена ранее VI в., вероятно, поэтому рисунок ее мозаичного пола отличается схематизмом, и здесь прослеживается гораздо меньше античных черт, чем в других базиликах города¹⁶.

Одновременно с исследованием комплексов у северо-западных стен велось изучение материалов из раскопок предшествующих лет. Так, сотрудником экспедиции В. Н. Даниленко были исследованы надгробия из забутовки башни Зенона, раскопанной музеем¹⁷.

Необходимость уточнения периодичности застройки города, выявления отличий его жизни от жизни других кварталов вызвали обращение к раскопкам нового района города. Так, в 1963 г. было начато исследование портового квартала. Поскольку планировалось вести одновременно исследование на всей площади участка (2500 м²), возникла необходимость объединить силы нескольких работавших в Херсонесе экспедиций: Херсонесского музея, Уральского и Харьковского государственных университетов. В первые годы раскопок во главе объединенной экспедиции стоял заведующий античным отделом музея С. Ф. Стрежелецкий. Начальником экспедиции Уральского университета до 1968 г. был В. Н. Даниленко, с 1969 г. — А. И. Романчук. Перед экспедицией стояли следующие задачи: изучение стратиграфии портового квартала, уточнение даты основания города и исчезновения жизни на территории городища, выявление основных строительных периодов, увязка стратиграфии городища с оборонительными сооружениями, уточнение времени бытования массового археологического материала и статистическое распределение его по слоям, исследование жилых построек, выяснение времени расширения территории города в данном районе¹⁸.

Изучение стратиграфии выявило отличия в образовании слоев на улицах, ограничивающих квартал, и в жилых усадьбах. Образование культурного слоя в усадьбах в основном связано со строительством, ремонтами и разрушениями зданий. На участках дворики, на улицах накопление культурного слоя происходило также в процессе постоянной жизнедеятельности. Мощность культурного слоя зависит от назначения помещений: в подвалах он был более значительным и залегал на большей

глубине. При устройстве подвалов сильнее разрушались более ранние культурные слои, поэтому единовременные слои не были открыты на всей территории квартала. На улицах культурный слой имеет незначительную мощность (10—15 см), образование его происходило в ходе постоянных ремонтов дорожного полотна. Если на территории жилых домов подстилающая подошва выделяется по остаткам отеса — результатам строительства или по керамическим завалам — свидетельствам пожаров и разрушений, то на улице — по более плотной структуре и горизонтально лежащим черепкам. Поскольку образование слоев на улицах и в жилых усадьбах было вызвано различными причинами, количество их отличается. Правда, в некоторых жилых помещениях прослежены постройки, образовавшиеся при ремонтах и в результате постоянной жизнедеятельности их обитателей.

В ходе раскопок портового квартала отмечено непрерывное строительство от III в. до н. э. до последних лет существования города. На юго-восточном участке квартала наиболее ранний период представлен остатками какого-то фундаментального сооружения. От него сохранилось два параллельно идущих ряда столбов¹⁹. На северо-западном участке этому времени соответствует большое, вероятно, общественное здание, которое раньше было известно под условным названием «казармы»²⁰. Этот участок раскапывался В. Н. Даниленко, в центре квартала вела раскопки экспедиция Харьковского университета, в 1965—1966 гг. на юго-восточном участке руководил раскопками В. В. Кучма, позднее А. И. Романчук. К сожалению, слои, относящиеся к начальному периоду жизни города, на юго-восточном участке из-за подъема грунтовых вод изучить не удалось. Но более ранние материалы встречались в вышележащих слоях, в частности чернофигурная расписная керамика. Из слоев III в. до н. э. собрана большая коллекция амфорных клейм, выделен слой разрушения I в. до н. э., остатки построек первых веков, а из слоя нивелировки IV в. собрана большая коллекция краснолаковых сосудов (она обрабатывается В. С. Щербаковой, выпускницей нашего университета, в настоящее время сотрудницей Херсонесского музея).

Большое значение для изучения истории Херсонеса имело выявление слоев VII в. Особый интерес представляют остатки здания, построенного в середине или в конце VI в. и погибшего в результате пожара в середине VII в. Вероятно, в начале VII в. на северо-западе квартала производились какие-то строительные работы, в ходе которых была засыпана рыбозасолочная цистерна колоколовидной формы. О преднамеренной засыпке ее свидетельствует то, что устье было перекрыто крышкой, поверх которой была подсыпана земля. Раскопки цистерн и слоев VII в. позволили получить большую коллекцию ранне-средневековых амфор²¹ и посуды²².

До раскопок в портовом квартале не было известно датированных нумизматическим материалом слоев VII в. Это приводило к тому, что в литературе по истории Херсонеса существовал временной разрыв. Позднеантичный — раннесредневековый период заканчивался VI в., следующий начинался в IX в. Вместе с тем среди поздних материалов встречались монеты VII в., правда, в небольшом количестве, попавшие в верхние слои в результате перемещения грунта в процессе позднего строительства. Если учесть, что монеты VII в. встречаются очень редко не только при раскопках Херсонеса, но и других городов Византии, то становится понятным значение материалов VII в. как для истории Херсонеса, так и для изучения истории Византии в целом. Слой разрушения VII в. представлял собой скопление амфор, краснолаковой посуды, среди которых были найдены монеты Юстиниана и Константина II (641—668). Этот слой, как и рыбозасолочная цистерна с монетами Тиберия Маврикия, относится к числу закрытых, материалы которых имеют большое значение для датировки других подобных комплексов, но не сопровождающихся монетными находками. Чрезвычайно показательно, что аналогичный керамический материал был найден во время исследования у Васи-Ада византийского корабля середины VII в.²³

Интерес представляют также остатки водопровода, идущего с северо-запада на юго-восток. Строительство его по стратиграфическим наблюдениям было отнесено к V—VI вв., прекращение функционирования — к VII в.

Раскопки на улицах и переулках выявили мощную сеть канализационных водостоков, которые выходили из жилых домов и вливались в уличный магистральный канал. На юго-восточном участке открыто несколько колодцев: один из них засыпан в VIII — начале IX в., другой — в IX—X вв. В колодце VIII — начала IX в. встречены амфоры, известные по раскопкам сельских поселений юго-западного Крыма²⁴.

Следов разрушения X в. на территории участка портового квартала не выявлено. В этот период строится большое здание, частично занявшее центр квартала, где в конце IX в. засыпана еще одна рыбозасолочная цистерна (раскопки В. И. Кадеева)²⁵. (Строительство ее являлось следствием осады во время похода Владимира).

Всего на территории портового квартала были раскопаны 3 рыбозасолочные цистерны. Третья расположена у башни XV и засыпана в XI—XII вв.²⁶

Следующий период строительства относится к XI—XII вв. Этим временем датируются три усадьбы и два квартальных храма, храм «Е», частично раскопанный К. К. Косцюшко-Валюжиничем²⁷, и храм с аркосолиями. Храм с аркосолиями, вероятно, строился в XII в., об этом свидетельствуют материалы из слоев, перекрывавших фундамент²⁸. Около храма «Е» до

XII — начала XIII в. было расположено квартальное кладбище, позднее застроенное жилыми домами. Храм с аркосолиями существовал до конца XIV в., около него также имелось несколько могил-усыпальниц.

Большая коллекция керамических находок была обнаружена в слоях разрушения конца XIII—XIV в. На основании этих материалов были выделены новые хронологические варианты меток, уточнена датировка ранее опубликованных А. Л. Якобсоном меток и разработана классификация амфор и черепицы, которая используется в процессе обработки материалов во время раскопок. Было замечено, что в кровлях XII—XIV вв. встречается четыре варианта керамид и калиптеров, последние в количественном отношении значительно уступают керамидам. Коллекция поливной посуды дала возможность выделить блюда, сделанные одним мастером, работавшим в Херсонесе²⁹. (Во время последующих раскопок на территории портового квартала 2 было найдено еще одно блюдо, изготовленное этим же мастером).

В последний период строительства (XIII—XIV вв.) на участке квартала существовало 6 усадеб, план некоторых из них, а также архитектура восстанавливаются с помощью материалов раскопок. Некоторые дома были двухэтажными, с каменным вторым этажом, и имели односкатную кровлю³⁰.

После разрушений конца XIV в. жизнь на территории квартала продолжалась, но, вероятно, она не была столь интенсивной. Только на некоторых участках, над развалинами усадеб XIII—XIV вв. выявлены строительные остатки.

Для проверки выводов, к которым пришли участники объединенной экспедиции, для уточнения распределения находок по слоям, а также для выявления хронологических вариантов внутри выделенных в ходе раскопок типов керамики в 1977 г. были начаты раскопки следующего квартала, расположенного к северо-востоку от раскапывавшегося ранее. Раскопки верхних слоев подтвердили правомерность выделения слоев XV в. Строительные остатки, относящиеся к периоду после XIV в., на участке портового квартала 2 более значительны. Облик домов XV в. резко отличается от более ранних. В основном это однокамерные, иногда двухкамерные постройки с незначительной толщиной стен (не более 50 см), что свидетельствует об одноэтажном, сравнительно небольшом здании. На участке портового квартала 2 раскопаны две постройки, относящиеся к XV в. (обе они имели печи), для сооружения их частично использованы стены более ранних помещений.

Раскопки в Херсонесе объединенной экспедиции, в том числе экспедиции Уральского университета, позволили выявить на территории квартала непрерывность застройки с III в. до н. э. до XV в. При каждом последующем строительстве изменялась только внутренняя планировка квартала; направление улиц, ог-

раничивающих его, сохранялось. Город и в средневековый период сохранил планировку античного времени, восприняв, вероятно, и многие другие черты, свойственные градостроительным традициям античности, в частности размещение производственных, пожароопасных мастерских за чертой города или на его окраине. Собранные коллекции керамических изделий, изделий из кости, стекла и металла позволяют более детально заняться разработкой истории ремесел средневекового Херсонеса, составить хронологическую шкалу находок, которая могла бы служить эталоном при изучении материалов предшествующих раскопок, особенно дореволюционных, когда не обращалось внимания на описание слоев и соответствующих им находок. Правда, в настоящее время не все они опубликованы, поскольку раскопки сразу всей территории квартала были предприняты впервые, и отдельные стратиграфические наблюдения требуют уточнения. Эти уточнения будут сделаны в ходе исследования второго портового квартала, что позволит ввести в научный оборот достаточно проверенную и обоснованную наблюдениями на территории двух кварталов периодизацию строительства и хронологическую шкалу для обработки самых массовых видов находок.

Изучение экономического развития города, понимание специфики его развития невозможно без анализа материалов сельской округи, поэтому другим направлением научных изысканий экспедиции стало изучение некоторых сельских памятников, расположенных в долине р. Бельбек, и раскопки на территории так называемых «пещерных городов» — городищ Бакла и Мангуп.

В 1968 г. совместно с Бахчисарайским историко-археологическим музеем Е. Г. Суров начал исследование на плато Мангуп дворца князя Алексея, открытого в 1912 г. Р. Х. Лепером. В ходе небольших по объему работ был уточнен план дворца, получены новые материалы для характеристики хозяйства дворца и данные для реконструкции башни³¹.

Другим объектом раскопок на Мангупе стал район базилики, раскопками здесь руководила Н. И. Бармина (в настоящее время изучение базилики и примыкающей к ней территории ведется отрядом Челябинского университета, где с 1976 г. работает Н. И. Бармина). Раскопки мангупской базилики открыли новые архитектурные детали ее облика; в ходе раскопок зачищены остатки мозаичного пола, снята фреска³², изучен южный неф, где выявлен слой последнего пожара на Мангупе, по данным радиоуглеродного анализа датируемый серединой XV в.³³ Одновременно с исследованием базилики в 1972 г. было предпринято изучение территории, расположенной между дворцом и базиликой, где в XV—XVI вв. было расположено бусадоб³⁴.

Раскопки на территории другого «пещерного» города Крыма

производились совместно с экспедицией Государственного Исторического музея с 1971 г. Наш отряд в 1971—1973, 1975—1977 гг. работал в рамках единой экспедиции, возглавлявшейся Д. Л. Талисом, в последние годы раскопки ведутся только нашим отрядом, руководит ими В. Е. Рудаков. С первого года раскопок Баклинский отряд поставил перед собой две задачи: изучить посад городища (цитадель исследуется отрядом ГИМа) и обследовать объекты, непосредственно связанные с этим средневековым памятником.

В результате раскопок на посадe удалось проследить стратиграфию культурных напластований³⁵, которая свидетельствует о четырех периодах жизни. Первый, наиболее ранний, представлен многочисленными вырубками в скале цилиндрической формы глубиной от 20 до 100 см. Ко времени бытования этих вырубков относится лепная посуда, покрытая сплошным лощением. Этот же материал встречается и в вышележащем слое, который перекрывает вырубку (2-й период); наряду с лепной посудой в этом слое встречаются хорошо известные по раскопкам памятников Крыма амфоры V—VII вв. К сожалению, строительные остатки, которые бы четко связывались со вторым слоем, отсутствуют.

Следующий период датируется VII—IX вв. Это жилые дома, стены которых сложены кладкой в «елочку». Керамический материал из слоя, который единовременен жилым домам, представлен как лепными изделиями, так и сосудами, изготовленными с помощью гончарного круга; среди последних следует выделить ойнохои скалистинского типа, салтовские горшки, кухонные горшки с метками на дне³⁶. Кровля жилых помещений данного периода частично покрывалась с помощью черепицы с водосливными валиками и метками, но как в этот период, так и позднее основная часть кровли состояла из обмазанных глиной веток росшего на Бакле кустарника.

К последнему, четвертому периоду относятся остатки нескольких усадеб (IX—XIII вв.)³⁷. Ориентировочно можно выделить 4 усадьбы, отделенные друг от друга переулками. Наибольшее количество материалов дали раскопки «усадьбы гончара», которая состояла из трех помещений и, вероятно, двора (предполагаемый участок дворика еще не раскопан). Усадьба существовала без значительных перестроек с IX—X в. и до конца жизни на посадe во 2-й половине XIII в. В подвальной части одного из помещений «усадьбы гончара» сохранился слой пожара IX—X вв.³⁸, перекрытый нивелировочной засыпью во время последующего ремонта здания.

В ходе раскопок, проведенных в окрестностях Баклы, были обнаружены 16 разновременных поселений I—XV вв.³⁹ Материалы разведок свидетельствуют о постоянной заселенности Района без значительных временных лакун. На одном из посе-

лений, расположенном к югу от склона плато, на котором находится Баклинское городище, выявлены материалы V—VII и строительные остатки VIII—XI вв.⁴⁰ Жизнь на поселении, судя по подъемному материалу, не прекращалась до XIV—XV вв. С юга к поселению примыкали культовые постройки: могильник и храм VIII—IX вв., храм XII—XIV вв. Под развалинами раннего храма открыт склеп, относящийся к началу нашей эры⁴¹. Подобная группировка памятников: языческий комплекс, затем христианские храмы — является косвенным свидетельством непрерывности жизни с первых веков и по крайней мере до XIV в., именно поэтому у живущих здесь сохранилось почитание района некрополя как священного места. Подобная ситуация была прослежена в процессе исследования другого района — поселения у современного пос. Заря Свободы в низовьях р. Бельбек.

Раскопки у пос. Заря Свободы явились совместной работой экспедиции кафедры и Херсонесского музея. Ранние материалы были представлены захоронением, обнесенным каменной оградкой и разрушенным во время строительства трехапсидного храма. В процессе зачистки захоронения найден обломок головы «каменной бабы». Она имеет аналогии среди надгробий «варварского» стиля из Херсонеса, датируемых IV в. до н. э.⁴²

В конце VIII—IX в. здесь строится трехапсидный храм, а ниже по склону возникают жилые усадьбы. (К сожалению, во время строительства дороги территория, где размещались усадьбы, была настолько сnivelирована, что выявить размеры поселения, облик жилых домов не представляется возможным). Размеры поселения VIII—IX вв. были значительны, о чем косвенно свидетельствует число хозяйственных ям, расположенных ниже линии усадеб⁴³. Трехапсидный храм был разрушен в IX — начале X в., но это разрушение не явилось следствием пожара, следы горения отсутствуют.

После того как храм был заброшен и разрушился (от времени), часть его площади превратили в кладбище, а архитектурные детали и камни из кладки стен частично использовали для нового строительства. Хорошо обработанные блоки, плита порога были использованы для возведения небольшого храма, расположенного к востоку от трехапсидного⁴⁴.

В XII—XIII вв. над развалинами трехапсидного храма, точнее на территории его северного нефа строится небольшой храмик. Ниже (к северу) по склону раскопаны остатки дома этого же времени⁴⁵.

Дальнейшие разведки в этом районе позволили обнаружить в 4—5 км выше по течению р. Бельбек еще одно поселение VIII—IX вв., погибшее в результате пожара. Поселение расположено на склоне в балке Горный ключ, от него сохранились остатки четырех усадеб, находящихся на значительном расстоянии друг от друга⁴⁶. Одновременно с изучением поселения в балке Горный ключ в 1977 г. были начаты разведки выше по

течению р. Бельбек и стационарные раскопки в зонах колхозного строительства и террасирования склонов Крымским лесничеством. В ходе их было открыто поселение VIII—IX вв. (X в.), расположенное на северном склоне под крепостью Сюрень, могильник IX—X вв. на вершине холма над упоминаемыми А. Л. Якобсоном гончарными печами около с. Голубинка, частично обследованы остатки римского комплекса в районе с. Танковое и скопление керамики IV—VI вв. на Камышевском поселении, известном по разведкам О. Я. Савели.

Разведочное обследование памятников в долине р. Бельбек позволило установить, что средневековые сельские поселения, относящиеся к VIII—IX (X) вв., располагались в основном на склонах холмов, на уровне второй надпойменной террасы. Жилые и хозяйственные помещения, как правило, изолированы друг от друга; для жилого помещения характерно наличие очага, в хозяйственных обнаружены жернова, серпы и другой производственный инвентарь, здесь же размещены тарные сосуды. Кладка стен состоит из двух панцирей, сложенных из разномерного бута без связующего раствора. Керамический инвентарь позволяет говорить о наличии салтовских элементов, но основным носителем материальной культуры являлось, вероятно, местное земледельческое население. На основании визуального анализа структуры черепка выделяются два производственных центра: керамика из поселений по нижнему и среднему течению р. Бельбек имеет много общего с находками из раскопанной сотрудницей Херсонесского музея Л. А. Аркадовой печью на северной стороне Севастопольской бухты; поселения в верховьях р. Бельбек снабжались продукцией, вероятно, из гончарного центра, расположенного в районе современного с. Голубинка. Керамические находки свидетельствуют о наличии связей с ближайшим для этого района городским центром — Херсонесом. Но количество идентичного материала в общей массе находок невелико. Это становится понятным, если учесть, что деревня для Херсонеса являлась поставщиком сельскохозяйственной продукции, пути проникновения которой и количественный процент в балансе средств существования херсонеситов по памятникам материальной культуры не поддаются учету.

Очень часто единственным показателем интенсивности торговых связей между городом и деревней считают монеты, а контраст материальной культуры принимают как доказательство отсутствия товарных связей⁴⁷. Прежде всего следует отметить, что находки монет в юго-западном Крыму, за исключением Херсонеса, чрезвычайно редки для всего средневековья⁴⁸. Особенно они малочисленны, в том числе и в Херсонесе, для VII—VIII вв. Поскольку часть сельскохозяйственного продукта перевозили в амфорах, находки их являются показателем товарного обмена.

Одним из наиболее распространенных типов амфор в

VIII—IX вв. были желобчатые амфоры. Различные варианты их (при всей немногочисленности находок на сельских поселениях) постоянно встречались на всех изученных нашей экспедицией памятниках, имеются они и в Херсонесе⁴⁹. В то же время сельские поселения, безусловно, сохраняли некоторые черты натурального хозяйства, «остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство»⁵⁰. Отличия же материальной культуры средневекового города и деревни юго-западного Крыма обусловлены различиями бытового и хозяйственного уклада, в целом особенностями экономического развития этих социально-экономических организмов.

Для проверки наблюдений по топографии средневековых поселений, специфики их материальной культуры и особенностей хозяйственной деятельности в 1978 г. было проведено обследование средневекового поселения Мариамполь, расположенного около городища Чуфут-кале (раскопки производились совместно с Бахчисарайским историко-архитектурным музеем). Размещение этого поселения; керамический материал имеют общие черты с остальными одновременными ему памятниками юго-западного Крыма, но в то же время прослеживаются и некоторые отличия. Дальнейшее накопление материала позволит выявить особенности данного поселения.

Научно-исследовательская работа — одна из важнейших сторон деятельности экспедиции, которой приходится решать и другую задачу — обучение методике раскопок в процессе археологической практики студентов исторического факультета. Студенты-историки с первых дней на исследуемых экспедицией памятниках по праву становятся соавторами археологических открытий. В рамках экспедиции до самостоятельного руководства на отдельных участках раскопок в Херсонесе и других объектах экспедиции выросли такие выпускники факультета, как А. А. Омелькова, А. Ф. Долганов, О. О. Барабанова, Е. В. Десяткова (Ложкина), Л. П. Ивашута, Ю. М. Ковалев, О. Л. Пелевина, Е. И. Петров, которые периодически выступают в «Археологических открытиях»⁵¹.

Силами сформировавшегося в экспедиции коллектива планируется выявить особенности развития юго-западного Крыма в период генезиса феодализма. Для выполнения этой задачи предпринято обследование как непосредственно примыкающих к Херсонесу территорий⁵², так и районов, удаленных от него на значительное, по понятиям древних, расстояние. Это даст возможность представить степень заселенности долин рек в различные эпохи, проследить общие черты и отличия материальной культуры исторически сложившихся комплексов, решить вопрос о хозяйственной деятельности и степени связей с городом жителей средневековых сельских поселений. Нельзя сказать, что это направление является новым, оно заложено трудами всех работавших в Крыму историков, среди которых особенно выде-

ляются исследования А. Л. Якобсона и Е. В. Веймарна. Но интенсивная застройка последних лет открывает все новые и новые памятники, изучение которых необходимо с целью спасения материала для будущего, в то же время раскопки их позволяют по-новому рассматривать страницы истории древней Таврики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Суров Е. Г. Херсонесские цистерны.— Учен. зап. Сverdл. пед. ин-та, 1948, вып. 4, с. 45.
- ² Суров Е. Г. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического.— АДСВ, 1965, вып. 3, с. 125.
- ³ Суров Е. Г. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961, с. 80.
- ⁴ Там же.
- ⁵ О значительных размерах керамических мастерских, использовавших труд свободных и рабов, пишет В. И. Кадеев (*Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в I в. до н. э.— III в. н. э. Автореф. докт. дис. М., 1975, с. 28).
- ⁶ Антонова В. Две раннохристианские церкви в восточном укреплении на аула на хан Амуртаг при гара Цар Крум (Шименско).— Археология. София, 1968, вып. 10, кн. 4, с. 60.
- ⁷ Суров Е. Г. Новая Херсонесская надпись.— ВДИ, 1960, № 3, с. 154—158. Ср.: Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса.— Киев, 1973, с. 33.
- ⁸ Суров Е. Г. Херсонес Таврический..., с. 77.
- ⁹ Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса.— МИА, 1953, вып. 34, с. 21; *Его же.* Из истории экономической жизни Херсонеса во II—IV вв. н. э.— В сб.: Античный город. М., 1963, с. 66.
- ¹⁰ Бурдак В. Д., Щеглов А. Н. О темпе роста, возрастном составе стад и миграциях некоторых черноморских рыб в античную эпоху.— В сб.: Эколого-морфологические исследования нектонных животных. Киев, 1966, с. 119.
- ¹¹ По материалам до начала 40-х гг. Е. Г. Суров собрал сведения о 77 цистернах. В настоящее время известно 96 цистерн. (См.: Романчук А. И. План рыбозасолочных цистерн Херсонеса.— АДСВ, 1977, вып. 14, с. 18).
- ¹² Романчук А. И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе.— АДСВ, 1973, вып. 9, с. 45—52.
- ¹³ Суров Е. Г. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического, с. 137. Ср.: Антонова И. А. К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе.— АДСВ, 1976, вып. 13, с. 7.
- ¹⁴ Гилевич А. М. Описание монет из раскопок в западной части Херсонеса в 1958—1960 гг.— В кн.: Суров Е. Г. Херсонес Таврический..., с. 128—139.
- ¹⁵ Суров Е. Г. Раскопки в северо-западном районе городища.— СХМ, 1961, вып. 2, с. 68. К сожалению, в опубликованных работах Е. Г. Сурова не датируется начало строительства базилики, отмечается только, что возникла она после засыпки рыбозасолочной цистерны, т. е. не ранее VI в., и что район базилики запустевает в XI в., когда на его территории вновь возникает некрополь.— Суров Е. Г. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического, с. 138.
- ¹⁶ Бармина Н. И. Мозаика Западной базилики.— АДСВ, 1965, вып. 3, с. 166—170.
- ¹⁷ Даниленко В. Н. Херсонесские акротерии.— АДСВ, 1965, вып. 3, с. 171—182.
- ¹⁸ Сводный отчет о раскопках в Херсонесе объединенной экспедиции в 1963—1964 гг. Под ред. В. Н. Даниленко, А. И. Романчук.— АДСВ, 1971, вып. 7, с. 7.
- ¹⁹ Романчук А. И. Раскопки в портовом квартале Херсонеса.— АО—1976, М., 1977, с. 361.

²⁰ Даниленко В. Н., Романчук А. И. Раскопки в портовом районе Херсонеса.— АО — 1970. М., 1971, с. 262.

²¹ Антонова А. И., Даниленко В. Н., Ивашута Л. И. и др. Средневековые амфоры Херсонеса.— АДСВ, 1971, вып. 7, с. 81 и след.

²² Романчук А. И. Комплекс VII в. из портового района Херсонеса.— АДСВ, 1973, вып. 10, с. 246—250; *Ее же*. Слон VII—VIII вв. в портовом районе Херсонеса.— АДСВ, 1975, вып. 11, с. 3—14.

²³ Bass Q. Underwater excauations at Yassi Ada: A Byzantine Shipwreck.— AA, 1962, t. 3, S. 546.5.

²⁴ Якобсон А. Л. Отчет о раскопках в Новой Бобровке.— Архив ГХМ, д. 743, рис. 14.

²⁵ Даниленко В. Н., Кадеев В. И., Романчук А. И. Раскопки в портовом районе Херсонеса.— АО — 1969, М., 1970, с. 282.

²⁶ Романчук А. И. Новые материалы..., с. 16.

²⁷ Так как по этому участку проходила дорога в Музей древностей, Косцюшко преднамеренно искажил местоположение храма; доследован он был в 1969 г.

²⁸ Л. Г. Колесникова на основании материалов раскопок 1963—1965 гг. относит строительство храма с аркосолиями к IX—X вв. (Колесникова Л. Г. Храм в портовом районе Херсонеса (раскопки 1963—1965 гг.).— ВВ, 1978, т. 39, с. 165). Последующие раскопки изменили эту дату.

²⁹ Даниленко В. Н. Некоторые итоги раскопок Херсонеса Таврического (1958—1964 гг.).— Учен. зап. Перм. ун-та, 1966, № 143, с. 70—74.

³⁰ Там же.

³¹ Сузов Е. Г. Раскопки дворца XV в. на плато Мангуп в Крыму.— КСИА, 1972, вып. 129, с. 96 и след.

³² Бармина Н. И. Раскопки базилики на Мангупе.— АО — 1971. М., 1972, с. 356; *Ее же*. К изучению Мангупской базилики (история исследования).— АДСВ, 1975, вып. 11, с. 30—39.

³³ Романчук А. И. Черепицы со знаками раскопок на Мангупе.— СА, 1977, № 2, с. 181. Во время публикации меток данные радиоуглеродного анализа, выполненного Л. В. Фирсовым, не были известны, поэтому в статье не приведены.

³⁴ Романчук А. И. Раскопки Мангупской базилики.— АО — 1972. М., 1973, с. 283.

³⁵ Рудаков В. Е. Исследования Баклинского городища в 1971—1973 гг.— АДСВ, 1975, вып. 11, с. 23—29.

³⁶ Рудаков В. Е. Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища.— В сб.: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.

³⁷ Рудаков В. Е. Материалы XII—XIII вв. из раскопок посада Баклинского городища.— АДСВ, 1975, вып. 12, с. 20—30.

³⁸ Романчук А. И., Рудаков В. Е. Керамический комплекс IX—X вв. Баклинского городища.— СА, 1975, № 2, с. 217—222.

³⁹ Рудаков В. Е., Десяткова (Ложкина) Е. В. Средневековые поселения в районе Баклинского городища.— АО — 1974. М., 1975, с. 347.

⁴⁰ Рудаков В. Е., Ложкина Е. В. Исследование средневековых памятников в районе Баклинского городища.— АО — 1976. М., 1977, с. 263.

⁴¹ Рудаков В. Е., Десяткова Е. В., Власов В. В. Раскопки на Бакле.— АО — 1975, М., 1976, с. 388.

⁴² Иванова А. П., Чубова А. П., Колесникова Л. Г. Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976, с. 70.

⁴³ Щербакова В. С. Раскопки хозяйственных комплексов у поселка Заря Свободы на трассе строительства шоссе Симферополь — Севастополь.— АДСВ, 1976, вып. 13, с. 27—29.

⁴⁴ Этот храм раскапывался сотрудником музея О. Я. Савеля. Пропорции храма и некоторых строительных деталей, например плиты порога, позволяют говорить о вторичном использовании. Материал раскопок полностью не опубликован, краткую информацию см.: Савеля О. Я. Раскопки и разведки в окрестностях Севастополя.— АО — 1973. М., 1974, с. 338.

⁴⁵ Романчук А. И. Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек.— АДСВ, 1976, вып. 13, с. 9—26.

⁴⁶ Романчук А. И., Омелькова Л. А. Разведки в Бельбекской долине.— АО — 1977. М., 1978, с. 379. Более подробная информация о раскопках в сб.: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.

⁴⁷ Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики.— МИА, 1970, № 168, с. 155.

⁴⁸ Соколова И. В. Находки византийских монет VI—VII вв. в Крыму.— ВВ, 1968, т. 29, с. 254—265.

⁴⁹ Находки их отмечает в своей монографии и А. Л. Якобсон.— МИА, 1970, № 168, с. 156.

⁵⁰ Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3, с. 328.

⁵¹ Ивашута Л. П. Неполивная керамика позднесредневекового Херсонеса.— АДСВ, 1975, вып. 11, с. 5—22; Романчук А. И., Новицкая Н. И. Раскопки в портовом районе Херсонеса.— АО — 1974. М., 1975, с. 344; Романчук А. И., Щербикова В. С., Долганов А. Ф. Раскопки сельского поселения в долине Бельбека.— Там же, с. 345; Рудаков В. Е., Десяткова Е. В., Власов В. В. Раскопки на Бакле.— АО — 1975. М., 1976, с. 388; Романчук А. И., Барабанова О. О. Раскопки в портовом квартале Херсонесского городища.— АО — 1978. М., 1979; Романчук А. И., Омелькова Л. А., Пелевина О. Л., Ковалев Ю. Н. Исследование средневековых памятников в долине реки Бельбек.— Там же; Рудаков В. Е., Ложкина Е. В., Петров Е. В. Археологические исследования в междуречье Альмы и Бодрака.— Там же.

⁵² С этой целью совместно с Херсонесским музеем было проведено обследование поселения в Килен-Балке (Савеля О. Я., Романчук А. И., Клигман Л. А. Археологические разведки в окрестностях г. Севастополя.— АО — 1969. М., 1970, с. 283).